

ИНГИЛОЙСКІЯ СКАЗКИ.

1. Дятель, лиса и воронъ.

На одномъ высокомъ деревѣ свилъ себѣ дятель гнѣздышко, снесъ въ него три яичка и высидѣлъ трехъ дѣтенышей. Высидѣвъ дѣтокъ, онъ надѣялся ихъ вырастить. „Вотъ“, думалъ онъ про себя, „выращу дѣтокъ, они оперятся и разлетятся въ разныя стороны, на мою радость“. Но счастье не писано было для него: лиса, замѣтивъ гнѣздо, прискакала къ дереву и закричала дятлу:

— „Дятель! эй, ты, дятель!“

— „Что прикажешь, лиса?“

— „Дай мнѣ одного дѣтенышка!“

— „Для чего тебѣ дать? не дамъ!“

— „Не дашь?!..“

— „Нѣтъ!“

— „Ну ладно! Значить, ты не знаешь, что у меня имѣется топоръ и топорикъ, ножъ и ножикъ, которыми я срублю это дерево, срубжу стволъ его,—сѣмъ и тебя, и твоихъ дѣтенышей.“

Это весьма огорчило дятла. Что же ему оставалось дѣлать, какъ не согласиться на требованіе лисы? Онъ взялъ одного дѣтеныша и бросилъ ей. Она же схватила его, поскокала по кустикамъ, быстро сожрала и опять приближала къ дереву. Тѣми же угрозами она вынудила дятла бросить ей и второго дѣтеныша, но когда затѣмъ стала требовать и

послѣдняго, то дятель отказался удовлетворить ея требованіе и отвѣтилъ:

— „Врешь ты, лиса! Не только дѣтёныша, но и камня не дамъ тебѣ. И того довольно съ тебя, что ты обманомъ сгубила двухъ моихъ дѣтокъ. У тебя нѣтъ ни топора, ни ножа, и ничего нѣтъ у тебя; ступай прочь! проваливай!“

— „Кто же это тебѣ сказалъ, что у меня нѣтъ ни топора, ни ножа?“

— „Сказалъ воронъ, по верхушкамъ (деревъ) летающій, подъ орѣшниками поскакивающій“.

— „Такъ тебѣ воронъ сказалъ!?“

— „Да, воронъ.“

— „Ну, ладно!“

Сейчасъ же лиса поскакала на вспаханное поле и легла тамъ, прикинувшись мёртвою. На это же поле прилетѣлъ воронъ и, увидѣвъ мёртвую лису, вскочилъ къ ней на хвостъ, съ хвоста прыгнулъ на брюхо, съ брюха на морду и собирался выклѣвывать глазъ у лисы. Лиса тутъ разинула пасть и цапъ-царапъ!—схватила ворона и обратилась къ нему съ такою рѣчью:

— „Гадкій, вонючій воронъ! это ты сказалъ дятлу, что, молъ, у лисы не имѣется ни топора, ни ножа? Подожди же, я проучу тебя!“

— „Любезная лиса, знаю, что ты съѣшь меня, но умоляю тебя пока оставить меня въ живыхъ: въ одной странѣ я имѣю кладъ, объясню тебѣ, гдѣ онъ находится, а потомъ, что хочешь, то и дѣлай со мной.“

Лиса очень обрадовалась; освободила ворона и приказала указать ей мѣсто клада. Воронъ пошелъ, и лиса послѣдовала за нимъ. Шли много и, наконецъ, пришли въ одно селеніе и подошли къ воротамъ одного крестьянина, у котораго имѣлись злыя собаки. Какъ только подошли къ воротамъ, воронъ изо всѣхъ силъ сталъ каркать. Собаки, услы-

шавъ этотъ крикъ, выскочили, схватили лису и растерзали, а воронъ успѣлъ улетѣть. Такъ и погибла лиса.

2. Левъ и человѣкъ.

Пахарь, взявъ кота, отправился на поле. Онъ пахалъ у опушки лѣса, а котикъ тамъ же охотился. Вдругъ изъ лѣсу выскочилъ левъ и, увидѣвъ кота, сказалъ ему:

— „Это ты, братецъ?“

— „Да, я, твой родной братъ.“

— „Удивляюсь!—и усы, и борода, и обликъ у тебя такіе же, какъ у меня, и, вообще, ты похожъ на меня, и отъ предковъ своихъ я слышалъ, что ты родня львамъ, но, не смотря на это, я никакъ не могу объяснить себѣ, почему ты такъ не дороденъ и малъ!“

— „Если ты познакомишься съ моимъ хозяиномъ, то, надѣюсь, другой разъ не предложишь такого вопроса!“

— „А гдѣ твой хозяинъ, не можешь ли ты мнѣ показать его?“

— „Вотъ онъ!“ котъ указалъ на пахаря.

— „Ну, пойдѣмъ къ нему!“

— „Пойдемъ“.

Подойдя къ пахарю, левъ привѣтствовалъ его и затѣмъ предложилъ ему:

— „Пахарь, давай силу пробовать.“

— „Что же, левъ, давай, но только знай, что у меня сила осталась дома, безъ нея съ тобою состязаться я не могу; позволь мнѣ сначала сходить за силой, а потомъ начнемъ состязаться.“

— „Изволь, иди, а я подожду тебя.“

— „Нѣтъ, братецъ, такъ нельзя! Что служить мнѣ порукою, что ты не обманешь меня и дождешься моего возвращенія? Если ты, подлинно, хочешь со мною состяз-

заться, то прежде всего позволю мнѣ связать тебя, а когда вернусь съ своей силой, то развяжу тебя, и будемъ бороться.

— „И на это согласенъ; связывай!“ говоритъ левъ.

Пахарь крѣпко привязалъ льва къ дереву и потомъ, взявъ въ руки плѣтку, сталъ стегать его и по мордѣ и по другимъ членамъ и такъ колотилъ несчастнаго звѣря, что тотъ, совершенно измученный и обезсиленный, сталъ умолять пахаря о пощадѣ.

— „Не хочу“, говоритъ онъ, „болѣе спорить: сильнѣе тебя развѣ можетъ быть кто?! Грозный царь, будь милостивъ, освободи меня!“

Пахарь отвязалъ льва. Почувствовавъ свободу и увидѣвъ кота, левъ сказалъ ему:

— „Теперь понимаю, почему ты такъ малъ; если бы я былъ у человѣка ручнымъ животнымъ, то не выросъ бы и до твоихъ размѣровъ. Прощай!“

И прыгнувъ левъ въ лѣсную чащу да и былъ таковъ.

Вариантъ. Когда левъ предложилъ крестьянину состязаться съ нимъ въ силѣ, то этотъ послѣдній ударомъ топора глубоко расщепилъ большое бревно и въ расщепку вогналъ клинъ, а потомъ предложилъ льву всунуть лапы въ ту же расщепку и расколоть бревно. Когда левъ всунулъ лапы, то крестьянинъ ударомъ топора же выбилъ клинъ и на половину растреснувшееся дерево крѣпко прижало лапы звѣря. Левъ сталъ барахтаться, реветъ, но лапъ своихъ не сумѣлъ освободить. Онъ былъ освобожденъ крестьяниномъ только тогда, когда призналъ силу человѣка выше своей.

3. Старый волкъ.

Былъ одинъ старый волкъ. Однажды онъ отправился на охоту и, встрѣтившись съ бараномъ, сказалъ ему:

— „Здравствуй!“

— „Здорово! Куда несетъ тебя Богъ?“

— „Пришелъ тебя сожрать.“

— „Согласенъ, но только прошу повременить минутку: тутъ же недалеко имѣю дѣло, схожу туда, и потомъ, когда вернусь, сожри меня“.

— „Хорошо, ступай!“ разрѣшилъ ему волкъ.

Баранъ удалился на значительное разстояніе, потомъ вдругъ обернулся и съ разбѣгу такъ сильно толкнулъ его рогами, что бѣдный волкъ кувыркнулся и угодилъ въ оврагъ. Пока волкъ выбирался изъ этого оврага, баранъ успѣлъ добѣжать до овчарни.

Вотъ волкъ опять идетъ и встрѣчается съ конемъ.

— „Здравствуй, конекъ!“ говоритъ волкъ.

— „Здорово, волкъ!“ отвѣчаетъ конь. „Зачѣмъ ты сюда прибрелъ, братецъ?“

— „Хочу тебя съѣсть.“

— „Согласенъ, но ты сперва сдери подковы съ ногъ моихъ, а потомъ и сожри меня цѣликомъ“.

Волкъ принялся за работу; три подковы уже снялъ и когда приступилъ къ четвертой, то конь изо всѣхъ силъ лягнулъ его задними ногами и угодилъ прямо въ морду. Бѣдный звѣрь кубаремъ полетѣлъ въ кручу, а конь поскакалъ въ ближайшій табунъ.

Съ трудомъ выбрался волкъ и пошелъ далѣе. Шелъ онъ, шелъ и встрѣтился, наконецъ, съ осломъ.

— „Здравствуй, осель!“

— „Здравствуй, волкъ! Откуда и куда идешь?“

— „Пришелъ тебя сожрать!“

— „Согласенъ, но до того позволь мнѣ троекратно заревѣть и зарычать!“

— „Изволь!“

Осель сталъ ревѣть: какъ зарычалъ въ первый разъ,

собаки ближайшей деревни приподнялись съ мѣстъ и насторожили слухъ; во второй разъ онѣ ясно различили жалобный зовъ осла, а какъ онѣ зарычалъ въ третій разъ, такъ всѣ сельскія собаки дружно побѣжали туда, откуда слышенъ былъ рѣвъ осла, скоро достигли до мѣста, напали на волка и на клочки разорвали его.

4. Козлятки и волкъ.

Была одна коза, а у нее трое козликовъ. Она изъ бузины сдѣлала себѣ хатку и поселилась въ ней съ дѣтками. Каждый день, предъ своимъ уходомъ на пастьбу, она наказывала дѣткамъ:

— „Дѣтки мои“, говорила она, „пойду я на лужайку, травки пощиплю, молочка накоплю, потомъ вернусь и принесу вамъ молочка въ сосцахъ и травки на рожкахъ. До моего же возвращенія вы сидите взаперти и никому дверей не открывайте!“

Такъ и поступали козлики: когда мать уходила, они затворяли избушку изнутри и ждали возвращенія матери. Вся семья жила счастливо, но это счастье продолжалось не долго.

Однажды волкъ подслушалъ козу, когда она наставляла дѣтокъ, и, по уходѣ ея, пришелъ къ избушкѣ и козымъ голосомъ сталъ причитывать:

— „Козлики, мои козляточки! отворитесь, отомкнитесь, ваша мать пришла, полное вымя молочка принесла, рожками зеленой травы притащила.“

Козлики не узнали чужого голоса и отворили двери. Волкъ забѣжалъ въ избушку, схватилъ одного козлика и убѣжалъ въ лѣсъ. Остальные козлики, страшно перепуганные, опять замкнули избушку и спрятались въ углу. Тѣмъ временемъ вернулась коза и стала звать дѣтокъ. Она звала

долго, но козлики не отзывались: они думали, что опять волкъ кричитъ. Коза, не зная, въ чемъ дѣло, продолжала звать дѣтокъ. Наконецъ, козлики узнали голосъ матери и отворили двери. Когда коза зашла въ избушку, козлики стали плакать и жаловаться матери:

— „Матушка, волкъ обманулъ насъ, мы ему отворили двери, и онъ утащилъ нашего братца“.

Это такъ огорчило козу, что изъ ея глазъ, вмѣсто слезъ, искры посыпались. Она выбѣжала на дворъ и стала звать своего козлика, но, сколько ни кричала, ничего не вышло.

5. В о р о б е й.

Былъ одинъ воробей. Онъ сѣлъ на терновый кустъ, и терновая игла вонзилась въ его ножку. Онъ почувствовалъ сильную боль, слетѣлъ съ куста и прилетѣлъ въ одинъ дворъ. Тутъ воробей увидѣлъ, что старуха замѣсила тѣсто, но дровъ не имѣетъ, чтобы ими растопить пекарню и испечь хлѣбъ. Вотъ воробей и говорить старухѣ:

— „Милая старушка, вынь изъ моей ножки терновую иглу, и въ награду за это Богъ благословитъ тебя.“

Когда старуха вынула иглу, то воробей опять сказалъ ей:

— „Старушка милая, за семью горами имѣю важное дѣло, я улечу туда, а ты до моего возвращенія побереги мнѣ мою терновую иглу.“

— „Хорошо, давай, я сохраню.“

Воробей, вручивъ старухѣ иглу, самъ улетѣлъ за дѣломъ. Старуха же не дождала воробья и тою терновою иглою растопила печку и испекла хлѣбъ. Воробей же тѣмъ временемъ вернулся и сталъ требовать свою иглу.

— „Старушка, гдѣ моя игла?“

— „Твоей иглой я растопила печку и выпекла хлѣбъ.“

— „Плохо ты сдѣлала. Верни мнѣ или мою иглу, или же, взаменъ ея, дай мнѣ пять хлѣбовъ!“

Старушка охотно согласилась на предложеніе воробья и вручила ему пять хлѣбовъ.

Воробей съ хлѣбами улетѣлъ и прилетѣлъ въ одно поле. Тутъ онъ увидѣлъ, что пять пастуховъ, вмѣсто хлѣба, накрошили въ чашку молока овечій калъ и кушаютъ. Воробей имъ сказалъ:

— „Эй вы, пастухи! люди не то должны ѣсть, что кушаете вы, а вотъ что!“ Онъ указалъ на свои хлѣбцы. „За семью горами имѣю дѣло, я хочу туда улетѣть, а васъ прошу до моего возвращенія прибереечь эти хлѣбцы, а когда вернусь, то вмѣстѣ пообѣдаемъ.“

— „Хорошо, давай, мы сохранимъ.“

Воробей, вручивъ хлѣбцы, улетѣлъ; но пастухи не дождались его возвращенія и съѣли хлѣбцы. Только успѣли они отобѣдать, а воробей вернулся и спросилъ:

— „Гдѣ мои хлѣбцы?“

— „Ужъ поѣли ихъ.“

— „Такъ нельзя! Или верните мои хлѣбцы, или взаменъ дайте пять овецъ!“

Чтожъ имъ было дѣлать!? Они отдали просимое.

Воробей погналъ овецъ и пошелъ далѣе. Много ли, мало ли шелъ, наконецъ, пришелъ въ одинъ домъ и видитъ, — тамъ свадьба въ разгарѣ, но вмѣсто скотины, для угощенія гостей, закалываютъ собакъ. Тутъ воробей и говоритъ хозяину:

— „На свадебномъ пиру закалываютъ не собакъ, а вотъ этихъ животныхъ“, — онъ указалъ на своихъ овецъ; „за семью горами я имѣю дѣло; я улечу туда, а ты прибереги моихъ овецъ до моего возвращенія; за это я сторицею отблагодарю тебя.“

— „Хорошо, давай овецъ, а ты отправляйся, куда хочешь.“

Воробей улетѣлъ, а хозяинъ не дождался воробья,—закололъ всѣхъ овецъ, чтобы угостить пирующихъ.

Тѣмъ временемъ воробей возвратился и сталъ требовать овецъ.

— „Мы ихъ зарѣзали“, отвѣтилъ ему хозяинъ.

— „Какъ же такъ?! Или дайте моихъ овецъ, или, вза-мѣнъ ихъ, дайте вашу молодицу!“

Что же имъ было дѣлать!? они отдали молодицу. Воробей съ молодицей отправился далѣе. Проходя по одному лѣсу, онъ увидѣлъ, что балалаечникъ играетъ на балалайкѣ. Воробей подошелъ къ этому человѣку и сказалъ:

— „Братецъ, не такъ слѣдуетъ играть, а вотъ какъ!“

При этихъ словахъ воробей отобралъ балалайку и сталъ играть на ней. Эта игра слишкомъ заняла воробья, такъ что онъ даже не замѣтилъ, какъ балалаечникъ увелъ молодицу въ лѣсъ и скрылся въ чащѣ. Когда же воробей опомнился, то уже было поздно: кругомъ никого не было видно. Чрезвычайно опечалился воробей, взлетѣлъ на верхушку одного дерева и, чтобы разсѣять свое горе, сталъ бренчать на балалайкѣ и подпѣвать:

„Тернѣ далъ,—хлѣбъ взялъ.

Бренчи, балалайка, бренчи!

Хлѣбъ отдалъ,—овецъ взялъ.

Бренчи, балалайка, бренчи!

Овецъ отдалъ,—молодицу взялъ.

Бренчи, балалайка, бренчи!

Молодицу отдалъ,—балалайку взялъ.

Бренчи, балалайка, бренчи!“

При этихъ словахъ воробей выронилъ изъ лапъ балалайку, и она упала на землю и разлетѣлась въ дребезги. Воробей же улетѣлъ и скрылся за семью горами.

6. Злая мачеха и ея дочери.

Жилъ старикъ со старухой. У старика было трое дочерей, а у старухи—одна. Мачеха не влюбила дочерей старика. Она постоянно бранила ихъ, а мужу говорила:

— „Твои дочери—негодныя, ничего не дѣлають дома; когда ты избавишь меня отъ этихъ дармоѣдокъ?“

Подобными рѣчами совсѣмъ допекла мужа злая баба.

Въ одинъ вечеръ, по возвращеніи домой, старикъ сказалъ своимъ дочерямъ:

— „Кто изъ васъ, милыя, разуеъ мнѣ ноги?“

Двѣ первыя сестры не отозвались на предложеніе отца, младшая же съ охотою принялась за работу, и, когда она разувала отца, изъ валенокъ старика упало одно красное яблоко; она взяла его и сказала:

— „Ахъ, какое красивое яблоко!“

Увидѣвъ яблоко, другія дочери стали упрашивать отца, чтобы онъ и имъ принесъ по яблочку. Но отецъ сказалъ:

— „Завтра пойдемъ въ лѣсъ, тамъ есть одна яблоня, обремененная плодами. Я потрясую ее, яблоки спадуть, а вы соберите.“

На другой день старикъ со своими дочерьми отправился въ лѣсъ, къ яблони. Подъ ней была глубокая яма, надъ которою старикъ разостлалъ коверъ. Потомъ онъ сталъ трясти яблоню. Когда яблоки упали на коверъ, дочери бросились на него, чтобы подобрать яблоки, но всѣ трое упали въ яму и остались тамъ; отецъ же, какъ ни горько было ему, вернулся домой къ злой женѣ.

Къ счастью у младшей сестры въ карманѣ былъ ножикъ: съ его помощью сестры сдѣлали ступеньки въ стѣнѣ ямы и вышли вонъ.

Вышедши на свѣтъ Божій, онѣ оглянулись кругомъ и, увидѣвъ вдали дымъ, направились туда.

Пришли и видятъ, что дымъ выходитъ изъ трубы одного дома. Онѣ вошли въ этотъ домъ и запрятались по угламъ. Къ вечеру пришелъ хозяинъ дома, деви, сѣлъ у очага, и сказалъ:

— „Что-то запахъ чловѣка чуется!“

Обшарилъ онъ весь домъ, но никого не нашель. Затѣмъ онъ постлалъ себѣ постель и легъ спать. Предъ сномъ онъ сказалъ про себя:

— „Задъ мой, смотри, не запачкайся, а то завтра кипяткомъ тебя обварю.“

Въ полночь старшая сестра потихоньку вышла изъ угла, замѣсила тѣсто и прилѣпила къ задъ деви.

Когда утромъ деви проснулся и узналъ, что задъ его и въ эту ночь запачканъ, вскипятить масло въ большомъ котлѣ и задомъ сѣлъ въ кипятокъ. Въ это время выбѣжали сестры изъ угловъ и веретенами стали колоть деви. Онъ хотѣлъ-было встать, но упалъ всѣмъ тѣломъ въ кипятокъ и погибъ. Все имущество деви,—домъ, дворъ, стада овецъ, быковъ, лошадей, золото и пр., все осталось въ распоряженіе трехъ сестеръ.

Послѣ этого прошло 6—7 лѣтъ и старикъ пошелъ искать своихъ дочерей. Много ли, мало ли искалъ, наконецъ разыскалъ разбогатѣвшихъ дочерей. Сестры весьма обрадовались, увидѣвъ своего отца. Онъ хорошенько угостили его и на прощанье дали цѣлую котомку золота и отправили домой. Мачеха болѣе обрадовалась золоту, чѣмъ извѣстію о томъ, что ея падчерицы живы и благоденствуютъ.

Въ два-три года все золото было издержано. Мачеха теперь стала упрашивать мужа, чтобы онъ рзаль въ лѣсъ и ея дочь.

— „И она“, говорила она мужу, „принесетъ намъ котомку золота.“

Старикъ согласился, взялъ дочь ея въ лѣсъ и посадилъ подъ однимъ деревомъ, а самъ вернулся домой.

Настала ночь. Шакаль прибѣжалъ къ дѣвушкамъ, чтобы сожрать ее, но она взмолилась:

— „Шакаль, отстань отъ меня, мнѣ спать хочется.“ Шакаль не внялъ ея просьбѣ и сталъ приближаться къ ней. Дѣвушка опять стала молить:

— „Шакаль, отстань отъ меня, мнѣ спать хочется.“

Но шакаль не послушался ея и приступилъ къ своему дѣлу: мясо дѣвушки съѣлъ и оставилъ однѣ обглоданныя косточки.

Черезъ нѣсколько дней мать послала старика въ лѣсъ съ мѣшкомъ за золотомъ. Но старикъ подъ деревомъ нашелъ однѣ косточки, наполнилъ ими котомку и пошелъ домой. Жена, увидѣвъ идущаго мужа, издали же стала спрашивать его:

— „Старикъ, что несешь?“

— „Косточки!“ отвѣчаетъ онъ.

— „Что ты бредишь! что несешь?“ снова спрашиваетъ она.

— „Говорю,—косточки!“

— „Правду говоришь?“ опять говоритъ она.

— „Правду!“ заявляетъ онъ.

Но старуха подбѣжала къ мужу,хватила изъ его рукъ котомку и, увѣрившись въ истинѣ, завyla благимъ матомъ и стала бить себя и по головѣ, и по лицу.

Не стало ея дочери! Дочери же старика за хорошихъ молодцовъ замужъ вышли*).

Записалъ въ сел. Кахи, Закатальскаго округа,
М. Джанашвили.

*) Ср. съ русск. „Не плюй въ колодезь—пригодится воды напиться.“

КАРТВЕЛЬСКІЯ СКАЗАНІЯ ОБЪ АМИРАНЪ.

Сванскія сказанія.

I.

Съ высоты горы Ялбуза (Эльбруса) съ наступленіемъ сумерокъ слышны были отчаянные крики какого-то существа, не дававшіе покоя кузнецу Дареджіани, жившему у подошвы этой горы. Кузнецъ никакъ не могъ въ толкъ взять, отъ чего бы или отъ кого бы могли быть эти крики. Любопытство росло въ немъ съ часу на часъ. Наконецъ онъ выковалъ въ своей кузницѣ ломъ и кирку и отправился на Ялбузъ. Трудно было кузнецу взбираться на крутизны высокой горы, но ему помогали ломъ и кирка, которыми онъ просѣкалъ себѣ дорогу. Послѣ долгихъ трудовъ онъ достигъ вершины. Смотрить и что же видитъ? Въ глубокой пропасти, на золотой тахтѣ лежитъ красавица, лежитъ и плачетъ, и кричитъ изо всѣхъ силъ. Кругомъ разсыпаны горы золота и серебра. Не долго думая, кузнецъ опускается въ пропасть и спрашиваетъ женщину о причинѣ воплей. Красавица рассказываетъ, что она жена Самого Бога, Который низвергнулъ ее съ неба за какое-то преступленіе. Дареджіанъ сталъ часто бывать у красавицы. Завязались интимныя отношенія, которыя кончились тѣмъ, что забеременѣла красавица.

Между тѣмъ жена кузнеца, замѣтивъ частыя отлучки мужа, стала зорко слѣдить за нимъ. Вотъ она однажды тайкомъ пошла за мужемъ и накрыла его на мѣстѣ преступле-

нія. Съ этого времени въ душѣ жены затаилась месть къ красавицѣ. Узнаётъ она откуда-то, что вся сила и обаяніе ея заключается въ роскошныхъ волосахъ, разсыпанныхъ густыми прядями по всему тѣлу. Однажды, когда красавица спала глубокимъ сномъ, жена кузнеца подкралась къ ней и отрѣзала у ней волосы. Проснувшись и увидѣвъ, что она лишилась волосъ, красавица призываетъ къ себѣ кузнеца и рассказываетъ ему, что она скоро должна умереть, а потому приказываетъ ему распороть ей животъ и вынуть оттуда ребенка, который имъ обоимъ принадлежитъ. Кузнецъ не соглашается. Тогда красавица сама распарываетъ себѣ животъ, беретъ ребенка и, отдавая его кузнецу, говоритъ:

— „Возьми его, положи на перекресткѣ; онъ самъ вырастетъ.“

Кузнецъ такъ и сдѣлалъ. Одинъ разъ близъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ лежалъ ребенокъ, проходили Иисусъ Христосъ, св. Георгій и одинъ изъ ангеловъ. Они vykрестили ребенка и назвали Амираномъ. При этомъ они сказали:

— „Если Амиранъ нарушитъ три раза данное имъ слово, то да подпадетъ онъ подъ власть дьявола!“

Путники ушли, оставивъ ребенка на мѣстѣ. Амиранъ послѣ этого сталъ расти не по днямъ, а по часамъ. Скоро онъ совершенно возмужалъ и сдѣлался страшно силенъ.

Разъ Амиранъ идетъ по дорогѣ и встрѣчаетъ процессію: ѣдетъ арба, запряженная двѣнадцатью парами воловъ; на арбѣ—гробъ громаднхъ размѣровъ, а въ гробу богатырь лежитъ; одна нога его волочится по землѣ, оставляя по ней глубокий слѣдъ; за гробомъ идетъ толпа народу; она ставится изо-всѣхъ силъ положить ногу богатыря въ гробъ, но напрасно. Оказывается, что богатырь этотъ заболѣлъ и, почувствовавъ близкую кончину, заранѣе улегся въ гробъ, зная, что никто не въ состояніи уложить его туда послѣ смерти. Амиранъ подходитъ, хватаетъ одною рукою ногу

богатыря и втискиваетъ ее въ гробъ. Богатырь обрадовался и говоритъ Амирану:

— „Подай, братецъ, руку.“

Но Амиранъ вмѣсто руки подаетъ ему камень. Богатырь обращаетъ его въ пыль и снова проситъ подать ему руку. Амиранъ ему подаетъ толстую дубовую доску. Но доску онъ обращаетъ въ щепки. Наконецъ, Амиранъ подаетъ ему руку. Богатырь говоритъ ему тогда:

— „Да высохнетъ у тебя эта рука, если не воспитаешь двухъ моихъ сыновей!“

Амиранъ отыскалъ сыновей богатыря и сталъ ихъ воспитывать. Они скоро подросли и стали сильны. Амиранъ часто ходилъ съ ними на охоту. Во время одной изъ такихъ охотъ Амиранъ крѣпко заснулъ. Юноши стали караулить его. Вдругъ, откуда ни возмись, появилось страшное множество звѣрей и окружило спящаго Амирана. Но юноши стали пускать въ нихъ стрѣлы и скоро всѣхъ ихъ перебили. Проснулся Амиранъ и, видя громадную дужу крови отъ убитыхъ звѣрей, думаетъ:

— „Эге, да эти молодцы, пожалуй, и меня самого убьютъ!“

И, не долго думая, убиваетъ юношей. Тутъ онъ нарушилъ данное имъ слово. Послѣ этого черти стали преслѣдовать Амирана.

Однажды Амиранъ былъ на охотѣ, перебилъ онъ много звѣрей, усталъ и заснулъ. „Раши“ *) сталъ караулить его. Въ это время множество чертей окружили его. „Раши“ сталъ будить Амирана; но пока онъ проснулся, черти разбѣжались во всѣ стороны и попрятались. Между тѣмъ Амиранъ, думая, что „раши“ обманываетъ, взялъ да и побилъ его.

— „Ну, такъ послѣ этого, будить тебя я не намѣренъ, если даже черти съѣдятъ тебя,“ говоритъ „раши“.

— „Это я сторяча; право, больше бить не стану,“ ска-

*) Сказочная лошадь.

залъ Амиранъ и опять заснулъ. Черти снова повыскакивали изъ кустовъ и окружили Амирана. „Раши“ сталъ будить его. Но пока онъ проснулся, черти опять убѣжали. А Амиранъ, забывъ данное имъ слово, снова побилъ „раши“. Такъ онъ нарушилъ данное слово въ другой разъ. Скоро Амирану пришлось и въ третій разъ не сдержать даннаго слова. И тогда черти получили надъ нимъ полную власть. Они вступили съ Амираномъ въ борьбу. Онъ ихъ истребилъ великое множество, но въ концѣ концовъ утомился такъ, что и двигаться не могъ. Оставшіеся въ живыхъ три чорта связали его по рукамъ и по ногамъ и, поднявъ его на вершину горы Ялбуза, бросили въ пропасть, привязали его къ желѣзному столбу тяжёлою цѣпью. Неподалеку отъ него положили его шашку, до которой, однако, онъ не можетъ достать рукою. Насупротивъ его къ тому же желѣзному столбу привязанъ девятиголовый девъ, который тоже тщетно старается добыть рукою шашку Амирана. Кто изъ нихъ первый достанетъ шашку, тотъ и побѣдитъ. А достать шашку имъ удастся только тогда, когда отрастутъ у нихъ ногти. Сваны, желая, чтобы у Амирана поскорѣе выросли ногти, въ теченіе четырехъ первыхъ дней каждой недѣли не обрѣзываютъ себѣ ногтей, думая, что въ это время отрастаютъ ногти у самого Амирана. Но вотъ бѣда: какъ только у Амирана отрастаютъ ногти настолько, что онъ въ состояніи достать рукою шашку, сейчасъ же птичка, приставленная къ нему чертами, даетъ имъ знать объ этомъ. Черти приходятъ и обрѣзываютъ ему ногти.

Однако рано или поздно Амиранъ завладѣетъ шашкою, убьетъ дева, освободится, и тогда въ Сванетіи и во всѣхъ другихъ христіанскихъ странахъ наступятъ золотыя времена*).

*) Записано въ сел. Маглаки, Кутанесскаго уѣзда, со словъ черно-рабочаго свана Маргіани.

II.

Жили были мужъ и жена. Долгое время у нихъ не было дѣтей. Но въ концѣ концовъ Богъ смиловался надъ ними и даровалъ имъ сына. Родители были настолько бѣдны, что не могли даже устроить крестинъ. Вотъ однажды къ нимъ приходятъ три путника: священникъ, діаконъ и свѣтскій. Этотъ послѣдній былъ Христосъ. Онъ крестилъ ребенка и назвалъ Амираномъ. Ребенокъ росъ не по днямъ, а по часамъ. Десятилѣтній онъ уже казался взрослымъ мужчиною. Съ раннихъ лѣтъ Амиранъ пристрастился къ охотѣ и, между прочимъ, перебилъ почти всѣхъ девовъ. Но одинъ изъ нихъ, тотъ, который жилъ въ рачинскихъ горахъ, никакъ ему не давался. Случилось такъ, что они сошлись разъ лицомъ къ лицу. Девъ не выдержалъ грознаго вида Амирана и бѣжалъ. За нимъ погнался Амиранъ. Девъ бѣжалъ по направлению къ Кутаису, затѣмъ повернулъ въ сторону Хони (мѣстечко) и, когда достигъ береговъ Цхенисъ-Цхали, (притокъ Ріона съ правой стороны), Амиранъ настигъ его и, прижавъ къ скалѣ противоположнаго берега, ударомъ колѣна убилъ его. На этомъ мѣстѣ и теперь видны на лѣвомъ берегу слѣдъ отъ одной ноги Амирана, а на правомъ—скала съ углубленіемъ по срединѣ, образовавшимся, какъ говорятъ, отъ удара колѣномъ Амирана, вся запачканная кровью убитого дева.

Покончивъ съ девами, Амиранъ принялся за истребленіе другихъ своихъ враговъ. Скоро на свѣтѣ не стало существа, способнаго состязаться съ нимъ. Тогда онъ, гордый своими побѣдами и страшною силою, поднялся на вершину Кавказскихъ горъ и обратился къ Богу съ слѣдующими словами:

— „Ты видишь, Господи, что ни одно твое созданіе не въ силахъ поборотъ меня; снизойди съ неба, чтобы я могъ помѣряться и съ Тобою въ силѣ“.

Какъ только Амиранъ кончилъ эти слова, разверзлась гора, и онъ очутился въ пропасти, привязанный къ желѣзному столбу тяжёлою цѣпью. Не подалеку отъ него лежитъ его шашка, до которой онъ, однако, не можетъ достать рукою, а впереди—кувшинчикъ (бурчакъ) съ виномъ, которое никогда не истощается, и кусокъ хлѣба.

Однажды девять свановъ охотились на горахъ и, ища убитую ими серну, наткнулись на пропасть, въ которой обиталъ Амиранъ. Сваны, увидѣвъ Амирана, вообразили, что видятъ дева, страшно перепугались и хотѣли бѣжать, но Амиранъ сказалъ имъ:

— „Не бойтесь,—я такой же человѣкъ, какъ и вы; идите ко мнѣ!“

Сваны послушались и вползли въ пропасть. Тутъ Амиранъ разсказалъ имъ всѣ свои приключенія. Затѣмъ потребовалъ у нихъ хлѣба и сжалъ его въ рукѣ. Изъ хлѣба потекла кровь. Послѣ этого взялъ въ руки свой хлѣбъ,—изъ него потекло молоко.

— „Вотъ видите“, говоритъ онъ имъ, указывая на свой, „пока я господствовалъ на землѣ, вы ѣли вотъ какой хлѣбъ, а теперь ѣдите вотъ какой!“ при этомъ онъ указалъ на ихъ хлѣбъ.

Амиранъ попросилъ свановъ подать ему шашку. Но они и сдвинуть ея съ мѣста не могли. Тогда Амиранъ посоветовалъ имъ привязать къ шашкѣ одинъ конецъ имѣвшихся у нихъ воловьихъ ремней, а другой подать ему. Амиранъ потянулъ, но ремни разорвались. Тогда онъ отпустилъ свановъ домой и попросилъ ихъ достать ему ремни отъ девяти трехгодовалыхъ быковъ. Но сванамъ никогда послѣ того не удаётся отыскать мѣстопробываніе Амирана: какъ только они доходятъ до пропасти, она сейчасъ же закрывается.

Амиранъ колеблеть столбъ, къ которому онъ привязанъ;

но, какъ только дѣло доходитъ до того, что вотъ-вотъ сейчасъ вытащить его изъ земли, на кончикѣ его столба садится маленькая птичка и начинаетъ выкрикивать: „Амиранъ уходитъ, Амиранъ уходитъ!“ Тутъ Амиранъ съ досады замахивается на птичку дубиною и снова всаживаетъ столбъ въ землю *).

*) Записано въ Кутаисѣ со словъ ученика (свана) кут. дух. училища Джонхотели.

Имеретинскія сказанія объ Амиранѣ.

I.

Амиранъ былъ крестникомъ Иисуса Христа. Христосъ ему подарилъ шашку, сказавъ при этомъ:

— „Обнажи ее только тогда, когда наступятъ трудныя для тебя минуты!“

Захотѣлось Амирану жениться. Сталъ онъ искать себѣ невѣсту богатую и красивую. Узнаетъ онъ, что на серединѣ Чернаго моря стоитъ замокъ, а въ замкѣ этомъ живетъ красавица Тамара*), дочь царя каджовъ, Джина. Рѣшилъ Амиранъ во что бы то ни стало похитить ее и, не долго думая, отправился въ путь. Пять дней и пять ночей онъ ходилъ безъ устали и, наконецъ, достигъ одного мѣста, гдѣ паслись стада. Узнаетъ онъ отъ пастуховъ, что стада эти принадлежатъ богатырю той страны, Таріелу, къ которому и шлѣтъ людей съ просьбой оказать ему гостепріимство. Та-

*) Сказка эта представляетъ интересъ и въ томъ отношеніи, что является передѣлкою (въ народномъ духѣ) содержанія извѣстной „Барсовой кожи“ Руставели, съ тою разницею, что на мѣсто главнаго героя Руставели—Таріела, побѣдителя каджовъ (лѣсные люди) и освободителя изъ подъ ихъ власти красавицы Нестанъ-Дареджаны, героини „Барсовой кожи“, народъ ставитъ Амирана; Нестанъ-Дареджану называетъ Тамарою, а Автандила и Придона—Таріеломъ и Ивліаномъ. Даже и руставелевскую Фатьманъ, какъ извѣстно, содѣйствовавшую Таріелу въ его поискахъ Нестанъ-Дареджаны, народъ не забылъ и изобразилъ въ видѣ колдуньи, обладательницы чудо-коней, при помощи которыхъ Амиранъ и достигаетъ своей цѣли.

ріель съ удовольствіемъ принимаетъ гостя и оказываетъ ему всякія почести. Амиранъ рассказываетъ ему о своемъ намѣреніи похитить дочь царя кадзовъ и проситъ у него содѣйствія. Таріель принимаетъ предложеніе Амирана, и оба отправляются въ путь.

Долго они путешествовали и, наконецъ, дошли до одной поляны, гдѣ паслись стада богатыря Ивліана. Ивліанъ съ радостью принимаетъ гостей и угощаетъ ихъ на славу. Гости рассказываютъ хозяину о своемъ намѣреніи. Ивліанъ одобряетъ ихъ намѣреніе, но говоритъ, что, для достиженія цѣли, надо непременно познакомиться имъ съ одною колдуньею, которая живетъ въ одномъ дремучемъ лѣсу и владѣетъ цѣлымъ стадомъ чудо-коней (раши).

Всѣ три героя отправляются искать колдунью и, послѣ долгихъ скитаній по горамъ и доламъ, находятъ ее. Колдунья не мало удивлена, видя предъ собою трехъ знаменитыхъ героевъ, и спрашиваетъ ихъ о причинѣ ихъ прибытія. Тѣ рассказываютъ ей обо всемъ. Старушка соглашается помочь ихъ горю, но съ условіемъ, чтобы замокъ, въ которомъ обитаетъ Тамара, послѣ ея похищенія, былъ переданъ ей (колдунѣ). Герои соглашаются. Амиранъ покупаетъ у колдуньи четырехъ чудо-коней (раши) и отправляется вмѣстѣ съ своими спутниками дальше. Долго ли, коротко ли они ѣздили, въ концѣ концовъ достигли береговъ Чернаго моря и увидѣли посреди моря замокъ. Амиранъ садится тогда на того самаго раши, котораго колдунья называла „Огненнымъ“. Только что „Огненный“ почувствовалъ удары по своимъ бедрамъ, какъ въ одинъ прыжокъ очутился со своимъ сѣдокомъ у дверей замка. Еще одинъ прыжокъ, и раши проломалъ всѣ двери замка, и Амиранъ предсталъ предъ свѣтлыя очи прекрасной Тамары. Онъ объявляетъ ей о своемъ намѣреніи похитить ее. Она соглашается, но съ условіемъ, чтобы Амиранъ заставилъ говорить всѣхъ кадзовъ, кото-

рые ее окружаютъ и которые до того времени были нѣмы. Всѣ каджи, по желанію Амирана, стали говорить, за исключеніемъ одного, отъ котораго онъ не могъ добиться ни слова. Разсердившись, Амиранъ схватилъ непослушнаго каджа и выбросилъ въ море.

Каджъ, однако, не утонулъ, а пошелъ по морю и далъ знать обо всемъ отцу Тамары, Джину. А пока Джинъ могъ узнать о томъ, что творится въ его замкѣ, Амиранъ усадилъ Тамару на своего „Огненнаго“ и вмѣстѣ съ нею очутился на берегу моря, гдѣ его ждали двое его спутниковъ: Таріель и Ивліанъ. Отдохнувъ немного у моря, путники отправились въ обратный путь на своихъ раши, захвативъ съ собою Тамару.

Вдругъ туманъ застигаетъ путникамъ дорогу.

— „Что это значитъ?“ обращается Амиранъ къ Тамарѣ, которая была вѣщая женщина.

— „Это паръ, который поднимается надъ многочисленными раши, на которыхъ отецъ мой думаетъ усадить большое войско, чтобы гнаться за нами.“

Спустя нѣсколько времени, туманъ смѣнился вѣтромъ.

— „А это что?“ спрашиваетъ Амиранъ.

— „Войско уже тронулось въ путь!“ отвѣчаетъ Тамара. Вѣтеръ смѣнился снѣгомъ.

— „Это что же такое?“ опять спрашиваетъ онъ свою спутницу.

— „Это пѣна, которая падаетъ съ раши отъ быстрого бѣга“.

Снѣгъ смѣнился дождемъ.

— „Ну, а это что?“ обращается Амиранъ къ Тамарѣ.

— „Войско моего отца уже вышло изъ моря, и вода стекаетъ съ ногъ раши“, отвѣчаетъ она.

Дождь смѣнился жарою.

— „А это что же значитъ?“ говоритъ онъ Тамарѣ.

— „Войско отца уже настигает насъ!“ объясняетъ Тамара.

Амиранъ взмолился Богу, чтобы Онъ создалъ крѣпость, куда онъ могъ бы укрыться со своими спутниками. Богъ услышалъ мольбы Амирана и создалъ тутъ же, на дорогѣ, крѣпость.

Скоро безчисленное войско Джина окружило крѣпость со всѣхъ сторонъ. Амиранъ, видя это, говоритъ Таріелу:

— „А ну-ка, Таріель, возьми свой мечъ, сойди внизъ и руби ихъ до тѣхъ поръ, пока самого тебя не поранятъ; а какъ получишь рану, поспѣши къ намъ.“

Таріель такъ и сдѣлалъ: три дня и три ночи онъ рубилъ немилосердно враговъ, но подъ конецъ, будучи раненъ, вернулся къ Амирану.

Амиранъ посылаетъ теперь Ивліана. Этотъ тоже истребилъ несмѣтное количество вражьяго войска, но, получивъ рану, оставляетъ поле битвы и укрывается въ крѣпость.

Очередь дошла до Амирана. Онъ сошелъ внизъ, и началась ужасная сѣча. Онъ перебилъ все войско Джина, но самого-то Джина никакъ побѣдить не можетъ: какъ ударить пашкою по головѣ, только искры летятъ. Оказалось, что голова Джина была покрыта толстою слоновою костью. Видя эту борьбу, Тамара съ высоты башни и говоритъ Амирану:

— „Неопытный молодой человѣкъ, бей слона не сверху, а снизу, по мягкимъ частямъ!“ *)

А Джинъ на это отвѣчаетъ:

— „Посмотри на измѣнницу Тамару: мужа предпочла отцу! О, если бъ ты была въ моихъ рукахъ, зарѣзалъ бы ножомъ!“ **)

*) „გამოუცდელი, ვაჟ-კაცი, ზევით ნუ ურტყამ სპილოსო, ქვეშ ზამოკარი რბილობო“.

**) „უყურე ორ-პირ თამარსა, ქმარი არჩია მამასა, ნეტავ შენც თავი მომცა, ყელში გაგიყრი დანასა!“

Окончивъ эти слова, Джинъ палъ мертвымъ.

Амиранъ и его спутники отправились далѣе; завернули къ колдунѣ и передали ей, по условію, замокъ, въ которомъ она и поселилась. Амиранъ женился на Тамарѣ. Поблагодаривъ своихъ соратниковъ, Таріела и Ивліана, онъ съ Тамарою отправился на свою родину.

II.

Амиранъ, Бадри и Юсупъ.

Жили, были на свѣтѣ три брата: Амиранъ, Бадри и Юсупъ. Однажды отправились они на охоту и увидѣли среди лѣса башню, у которой дверей не было. Амиранъ ударилъ ногою въ стѣну, и она вся обрушилась. Всѣ трое братьевъ входятъ въ башню и видятъ предъ собою мертвеца. Спустя нѣсколько времени, является девъ и хочетъ съѣсть мертвеца. Амиранъ вступаетъ съ нимъ въ борьбу и сразу же переламываетъ ему руку. Девъ падаетъ на землю и начинаетъ упрашивать Амирана не убивать его, обѣщая за это сослужить службу.

— „А какую?“ спрашиваетъ Амиранъ.

— „За моремъ живетъ невиданная красавица (გობი უბავი),—я могу устроить такъ, что она станетъ твоею женою!“ говоритъ девъ.

— „Хорошо!“ говоритъ Амиранъ и отпускаетъ дева на волю.

Девъ приходитъ домой съ переломленною рукою и проситъ свою мать перевязать ее.

— „Отчего это, сынъ мой?“ спрашиваетъ мать.

— „Амиранъ со мною сражался,—чуть не убилъ меня!“ отвѣчаетъ девъ.

— „Возьми меня къ нему, я ему покажу, какъ надо убивать!“ говоритъ мать.

Девъ съ матерью отправляются въ лѣсъ, гдѣ въ это время охотился Амиранъ съ братьями. Приблизившись къ лѣсу, мать дева выпускаетъ изо рта огонь и поджигаетъ лѣсъ. Бадри и Юсуфъ убѣжали, а Амиранъ, завернувшись въ мокрую бурку, остался среди пламени, а когда къ нему подошла мать дева, напуская на него все больше и больше огня, Амиранъ выхватилъ шашку и отрубилъ ей голову. Пожаръ сейчасъ же прекратился.

Амиранъ отправляется искать братьевъ. Вдругъ видитъ: у источника сидитъ красавица-раскрасавица, сидитъ и заливается слезами горючими.

— „Что съ тобою, моя милая?“ спрашиваетъ ее Амиранъ.

Та рассказываетъ, что она дочь царя и отдана киту (азгуль-бэдо) за то, что онъ разрѣшаетъ царю брать воду изъ источника.

— „Скоро выйдетъ изъ моря китъ и съѣстъ меня!“ закончила красавица.

— „Не бойся“, отвѣчаетъ Амиранъ, „не съѣстъ онъ тебя! Только позволь мнѣ положить голову на твои колѣна, чтобы немного соснуть, а тамъ, какъ китъ придетъ, урони на мою щеку двѣ слезы,—я немедленно проснусь“.

Амиранъ заснулъ. Спустя немного времени, вдали показывается чудовище, китъ. Красавица заплакала. Слезы ея упали на щеку Амираана, и онъ проснулся и пустилъ стрѣлу, которая вонзилась киту прямо въ сердце. Китъ тутъ же и умираетъ.

Амиранъ снова положилъ голову на колѣни красавицы и говоритъ ей:

— „Я опять засну, на этотъ разъ сонъ мой будетъ крѣпче, поэтому, если появится китъ, такъ ты урони на мою

щеку такія горячія слезы, чтобы кожа сошла съ лица моего!”

Онъ засыпаетъ. Глядь, вдали показывается чудовище еще больше и страшнѣе перваго. Царская дочь начинаетъ плакать и лить на щеку Амирана горячія слезы, но онъ не просыпается. Между тѣмъ китъ подходитъ все ближе и ближе. Красавица заливаетъ слезами Амирана, но онъ все спитъ. И только тогда, когда китъ подошелъ уже на разстояніе нѣсколькихъ шаговъ, Амиранъ вскакиваетъ на ноги и успѣваетъ только выхватить пашку. Но чудовище раскрыло уже пасть и проглотило Амирана вмѣстѣ и съ его пашкою. Но переварить Амирана было мудрено: у кита разболѣлся животъ. Приходитъ онъ домой и говоритъ матери:

— „Ай, какъ у меня животъ болитъ!“

— „А что же ты ѣлъ?“ спрашиваетъ мать.

— „Да Амирана проглотилъ!“

— „Ну, сынокъ, дѣло плохо: не ты его, а онъ тебя переваритъ! А, впрочемъ, есть одно средство“, говоритъ ему мать: „обвейся вокругъ святаго Ильи, авось, тогда и переваришь какъ-нибудь Амирана“.

Но Бадри, подслушавъ этотъ разговоръ, выхватываетъ пашку и отсѣкаетъ киту хвостъ. Это помѣшало ему обвиться вокругъ Ильи. Юсупъ же кричитъ:

— „Да ты, Амиранъ, не забылъ ли, что у тебя ножикъ острый въ карманѣ? Возьми его, прорѣжь киту животъ и выходи вонъ!“

Амиранъ такъ и сдѣлалъ. Затѣмъ стрѣлою пронзилъ грудь киту, отчего онъ и умеръ.

Царская дочь спасена. Амиранъ отправляетъ ее къ родителямъ. Однако, появленіе царской дочери въ семьѣ возбудило, на мѣсто радости, страхъ: родные подумали, что она тайкомъ ушла отъ кита, и боялись мщенія со стороны послѣдняго. Но дочь рассказала имъ все, какъ было.

Царь приказываетъ визирямъ созвать къ нему все государство, дабы узнать, кто совершилъ это чудо и освободилъ царскую дочь.

Визири исполнили приказаніе царя.

— „А ну-ка“, говоритъ царь дочери, „узнай своего спасителя, подойди къ нему и надѣнь ему на палець перстень дорогой!“

Дочь сразу подошла къ Амирану.

— „Женись на моей дочери!“ говоритъ ему царь.

— „Нѣтъ, не могу,“ говоритъ Амиранъ, „я уже называю ее сестрою.“

— „Тогда проси, чего хочешь!“ говоритъ царь.

Въ это время подбѣгаетъ царская дочь къ Амирану и шепчетъ на ухо:

— „У моего отца есть летающая лошадь; попроси ее!“

Амиранъ такъ и сдѣлалъ. Сѣлъ онъ на эту лошадь и отправился къ морю. Подбѣхавъ къ берегу, онъ стегнулъ коня по бедрамъ. Конь фыркнулъ да и перелетѣлъ море вмѣстѣ со своимъ сѣдокомъ, и Амиранъ предсталъ предъ заморскою красавицею, дочерью морского царя. У красавицы заморской была няня, которая, увидѣвъ предъ собою чужестранца, пошла и доложила объ этомъ царю. Тѣмъ временемъ Амиранъ, усадивъ красавицу на свою лошадь, перелетѣлъ вмѣстѣ съ нею море обратно. Между тѣмъ, морской царь, узнавъ о похищеніи дочери, собралъ большое войско и отправился въ догонку. Амиранъ укрѣпился въ одной башнѣ. Войско морского царя окружило башню со всѣхъ сторонъ. Амиранъ выслалъ противъ него своего брата Бадри, и тотъ истребилъ множество воиновъ морского царя, но въ концѣ концовъ и самъ палъ. Затѣмъ высылаетъ онъ другого брата, Юсупа. Онъ тоже побилъ многихъ, но и самъ погибъ. Наконецъ выходитъ самъ Амиранъ. Начинается злая сѣча, онъ истребляетъ все войско морского царя; но

съ этимъ послѣднимъ ничего подѣлать не можетъ: пашка Амирана оказывается безсильною противъ черепа морского царя, потому что черепъ этотъ состоитъ изъ слоновой кости. Тогда Амиранъ слышитъ съ высоты башни:

— „Неопытный ты молодецъ!—не умѣешь воевать. Не бей слона въ голову, а въ ногу, въ мягкія части; тогда онъ приляжетъ и заснетъ“ *).

А отецъ ей въ отвѣтъ:

— „Вотъ дурная женщина! мужа предпочла отцу. Для чего воспитала тебя мать твоя? Для чего она тебя убаюкивала?“ **)

А дочь отвѣчаетъ ему:

— „Не воспитали меня ни мать моя, ни даже отецъ мой: бросили меня они въ уголь, и няня тамъ меня убаюкивала!“ ***)

Амиранъ ударилъ пашкою царя въ ногу, и онъ палъ мертвый. Образовалась лужа крови, изъ которой вдругъ вышелъ ребенокъ. Амиранъ хотѣлъ и его убить; но ребенокъ сталъ молить его о пощадѣ. Между тѣмъ, ребенокъ самъ толкнулъ Амирана, отчего онъ моментально и умеръ. Красавица стала плакать. Въ это время выбѣжалъ изъ кустика мышонокъ и сталъ выдергивать изъ бороды Амирана волосъ за волосомъ. Красавица бросила въ него башмакомъ и убила. Тогда вышла изъ земли мать мышонка и сказала:

— „Я то его оживлю, ну, а ты то, бѣдняжка, что же сдѣлаешь со своимъ Амираномъ?“

Мышь достала какую-то траву, провела ею по губамъ мышонка, и онъ ожилъ. Красавица и думаетъ себѣ: „дай-ка

*) ჭაბუკო გამოუტყდლო, შენ ომი არა გცოდნია, თავში ნუ კი სცემ სპილოსო, ფეხში შამოკარ მბილოსო, მისწვეს და მიეძინოსო“.

**) დახედე ცუდსა ქალსა, ქმარი არჩია მამასა! რისთვის გაგზარდელდამა, რისთვის გეტყოდა ნანასა“.

***) „არც გაგუზდივარ დედასა, არცა იმდენი მამასა, მიმაგდეს კუნხის ძირასა, მიწა მეტყოდა ნანასა“.

сдѣлаю и я тоже самое!“ И только что она притронулась
травою къ губамъ Амираана, какъ онъ сейчасъ же ожилъ,
сказавъ при этомъ:

— „Да, довольно, кажется, я спалъ!“

Собралъ и перевелъ учитель кутаисскаго город-
скаго училища *III. К. Ломинадзе*.

Грузинское преданіе объ Амиранѣ.

Амиранъ *).

Амиранъ, младшій сынъ Сулкалмаха и Дареджаны, имѣлъ двухъ братьевъ: Бадри и Усипа. Амиранъ родился тогда, когда его родители были въ преклонныхъ лѣтахъ; Амирана страшно любила мать, отчего и стали его называть Дареджановичемъ. Кумомъ отца Амирана былъ Иисусъ Христосъ, который наградилъ крестника быстротою скатывающагося дерева, смѣлостью снѣгового обвала, силою двѣнадцати паръ быковъ и буйволовъ, походкою волка, бѣдностью и слабостью въ дѣтствѣ и бранною жизнью въ годы возмужалости. Вскорѣ по рожденіи Амирана скончался Сулкалмахъ. Девятеро напали на сиротъ и опустошили все ихъ достояніе. Перепуганные сироты укрылись въ Чабалхеты (равнина?), и мать ихъ Дареджана не вынесла горя и скончалась. Между тѣмъ Амиранъ возросъ. Отъ давленія неимоверной силы героя подъ нимъ земля тряслась. Герой и ѣду имѣлъ необыкновенную: за обѣдомъ онъ съѣдалъ двухъ буйволовъ, а во время ужина и тремъ не довольствовался. Его братъ Бадри былъ похожъ на красивую дѣвушку, Усипъ—на хрустальную крѣпость, а самъ Амиранъ на черныя тучи, наполненные парами ливня, при этомъ одинъ изъ зубовъ у него былъ золотой. Однажды братья пошли на охоту. Перешедши черезъ

*) „Иверія“ за 1889 г., №№: 239, 240, 241, 244 и 245.

девять горъ, они увидѣли десятую гору, Алгетскую. Тутъ стали охотиться. Скоро показался громадный олень съ огромнѣйшими вѣтвистыми рогами. Амиранъ пустил въ него стрѣлу и ранилъ. Олень убѣжалъ. Братья погнались за нимъ и вышли въ одно мѣсто, гдѣ стояла хрустальная отовсюду замкнутая башня. Братья стали искать входъ въ нее, но безуспѣшно: нигдѣ не было слѣдовъ дверей. Тогда Амиранъ ударилъ ногой въ стѣну башни, и чрезъ образовавшуюся брешь вошли въ нее. Тамъ увидѣли усопшаго Цамцума: въ головахъ у него былъ конь, по правую сторону—шашка, по лѣвую—копье, достигающее до небесъ, въ одномъ углу—груда золота и серебра, возлѣ усопшаго сидѣла мать его, а у головы—его жена, проливаемая которой слезы достигали до моря. Она держала въ рукѣ письмо. Прочли. Было написано: „Я внукъ Усипа. Пока былъ живъ, уничтожилъ всѣхъ враговъ, за исключеніемъ одного—великана, неуклюжаго деви. Кто убьетъ его, тому дарю свою пику; кто объ этомъ мнѣ сообщитъ,—тому мою шпагу, кто похоронитъ моихъ родителей,—тому мои деньги, кто выдастъ замужъ моихъ сестеръ,—тому все мое золото и серебро, кто меня похоронитъ,—тому мою жену и коня.“

Братья-герои похоронили Цамцума, все имъ завѣщанное забрали, вышли изъ крѣпости и, замкнувъ ее, ушли искать „неуклюжаго деви“. Пройдя немного, они встрѣтили его.

— „Куда ты идешь, деви?“ спросилъ Амиранъ.

— „Иду пожрать Цамцума, внука Усипа“, отвѣтилъ онъ.

— „Кто же позволить тебѣ его съѣсть?“

— „Какъ кто?! А кто же можетъ мнѣ воспрепятствовать?“

Деви еще не докончилъ свою рѣчь, какъ Амиранъ бросился на него. Закипѣла битва великановъ. Подъ ногами

ихъ вся земля дрожала и тряслась. Слышенъ былъ подземный гулъ. Амиранъ одолѣлъ. Схвативъ и поднявъ деви вверхъ, изъ всѣхъ силъ размахнулся и ударилъ его о землю. Отъ этого удара у деви переломилось плечо, и онъ сталъ ревѣть и просить: „Не убивай меня, Амиранъ. За моремъ есть дѣвица, называемая Камаръ. Для мытья ея платья необходимо семь кусковъ мыла и семнадцать ведеръ (гокъ) воды, а для сушенія—семь солнечныхъ дней. Дорога туда легкая, но оттуда—опасная, полная приключеній. Въ качествѣ проводника я дамъ тебѣ своего скорохода“. Амиранъ умилился, но братья совѣтовали не щадить его. Амиранъ послушался братьевъ и отрубилъ у деви двѣ головы, а когда собирался отрѣзать и третью, послѣднюю, то деви опять взмолился:

— „И такъ ты убиваешь меня! Но вотъ послѣдняя моя просьба: изъ моихъ словъ выйдутъ три червя; ты ихъ пощади.“

Когда Амиранъ отрубилъ и послѣднюю голову, то, дѣйствительно, изъ головъ деви выползли три червя: бѣлый, красный и черный. Братья просили погубить ихъ тоже, но Амиранъ не послушался и отпустилъ червей, а самъ съ братьями и съ проводникомъ деви отправился дальше искать заморскую дѣвицу.

Ходили много и, наконецъ, вышли на одно пустынное поле. Оглянулся Амиранъ и видитъ, что тѣ три червя, которыми онъ далъ свободу, превратились въ трехъ драконовъ, идутъ по полю и поютъ.

Амиранъ бросился на нихъ и моментально убилъ бѣлаго и красного, но черный одолѣлъ его, проглотилъ живого и быстро поползъ далѣе. Тѣмъ временемъ братья Амирана, которые при видѣ драконовъ убѣжали на гору, успѣли спуститься съ нея. Усипъ пустил стрѣлу и попалъ въ хвостъ ползущаго дракона. Хвостъ отпалъ, но драконъ продолжалъ путь свой. Амиранъ же, заключенный въ желудкѣ дракона,

грызъ и царапалъ сердце и внутренности его. Драконъ, изнывая отъ страшныхъ болей, торопился къ столбу, на которомъ, обвившись, обыкновенно умерщвлялъ онъ проглоченную жертву. Но, по совѣту Усипа, Бадри сталъ своимъ высокимъ голосомъ звать Амирана и совѣтовать ему достать изъ кармана ножъ, распоротъ животъ дракона и выйти вонъ. Голосъ былъ услышанъ, совѣтъ принять, и Амиранъ вылезъ изъ чрева живъ и здоровъ, но потерялъ волосы, бороду и усы. Увидя, что Амиранъ преобразился, Усипъ началъ насмѣхаться надъ нимъ. Амиранъ разсердился. Бадри сказалъ:

— „Не сердись, братъ: ты знаешь, что за человекъ Усипъ. Что ты волосы потерялъ,—это не бѣда. Пойдемъ къ господину Игри, и онъ тебѣ сдѣлаетъ, какія хочешь, волосы.“

Пошли. Игри сдѣлалъ ему волосы. Опять пошли далѣе искать Камару. Искали много, испытали много горя и лишеній, но до Камары все же не добрались. Идя еще дальше, они наткнулись на домъ девяти девокъ. Амиранъ ворвался туда и сталъ рѣзать великановъ. Перерѣзалъ всѣхъ. Кровь ихъ наполнила весь домъ. Затѣмъ Амиранъ сказалъ братьямъ:

— „Братья, помогите мнѣ добыть Камару!—вы ждите меня по эту сторону моря, я же переплыву море и перевезу ее, солнцеобразную“.

Братья согласились. Амиранъ сѣлъ на бѣлаго коня, переплылъ море и подѣхалъ къ башнѣ Камары. Она въ это время мыла посуду. Амиранъ сказалъ ей:

— „Камара, сойди съ башни, и поѣдемъ ко мнѣ!“

А она ему отвѣтила:

— „Войди ты самъ сюда!—немножко отдохнешь, а я тѣмъ временемъ уберу посуду“.

Амиранъ привязалъ коня къ дереву и поднялся на башню.

Камара вымыла посуду, Амирану же сказала уложить ее.

При укладываніи Амиранъ разбилъ одну чашку, ту именно, которая его не слушалась и не хотѣла стать на своемъ мѣстѣ. Съ разбитіемъ чашки раздался оглушительный звонъ всей посуды, которая зашевелилась, тронулась сразу и полетѣла къ небу, къ отцу Камары и сказала:

— „Помоги! Камару похитили.“

Камара, предвидя печальный исходъ, посоветовала Амирану торопиться въ путь. Амиранъ сѣлъ на коня, посадилъ къ себѣ и Камару и поскакалъ во всю прыть. Но скоро ясное и безоблачное небо нахмурилось, подулъ вихрь и полили ливни. Тогда Камара сказала Амирану:

— „Торопи коня!—этотъ вихрь—вслѣдствіе движенія ногъ отца моего, а ливень—слезы матери моей“.

Затѣмъ пропѣла:

„Амиранъ, скорѣй, скорѣй!

„Хвалятъ быстроту твоихъ ногъ!

„Амбры, Умбры и Арабы,

„Быстро сядутъ на коней,

„Быстро же догонять тебя

„И завяжутъ съ тобой горячій бой!“

— „Я не фазанъ“, отвѣтилъ Амиранъ, „чтобы поймали меня соколами, и не заяцъ, чтобы поймали гончими. Придуть, —я здѣсь. Одинъ я пойду на отца твоего.“

Амиранъ переплылъ море и прибылъ благополучно къ братьямъ. Тѣмъ временемъ и армія врага причалила къ берегу на корабляхъ. Берегъ наполнился вражескимъ войскомъ. Борьбѣ съ врагомъ сначала вышелъ Усипъ, перебилъ половину всей арміи и самъ погибъ. Затѣмъ вышелъ Бадри, перебилъ многихъ, но и самъ погибъ. Тогда Камара попросила Амирана позволить ей выйти на бой, но Амиранъ не согласился и самъ взялся за оружіе и понесся стрѣлою. Скоро перебилъ всѣхъ. Въ живыхъ остался только отецъ Камары. Закипѣло единоборство двухъ великановъ.

Долго они боролись. Камара издали смотрѣла на этотъ бой и, замѣтивъ, что Амиранъ слабѣетъ, посовѣтовала ему громкимъ голосомъ:

„Амиранъ! ты не искусенъ въ борьбѣ:

„Слона бьютъ не сверху,

„Но ножныя жилы ему подрѣзываютъ;

„Когда подрѣзаны столбы,

„И дворецъ обрушивается!“

По совѣту Камары Амиранъ ударилъ мечомъ по ногамъ врага и повалилъ его. Владѣтель демоновъ скоро лишился и головы. Побѣдивъ враговъ, Амиранъ съ обнаженнымъ мечомъ направился къ Камарѣ. По дорогѣ встрѣтила его какая-то дѣвица и пристыдила словами:

— „Если бы ты былъ героемъ, то мечъ вложилъ бы въ ножны и пошелъ бы искать погибшихъ братьевъ своихъ“.

Услышавъ эти слова, Амиранъ вложилъ мечъ въ ножны и вернулся искать братьевъ. Послѣ долгихъ поисковъ, наконецъ, нашелъ остывшіе трупы, перенесъ ихъ въ одно мѣсто, сѣлъ возлѣ нихъ и самъ, снѣдаемый печалью по погибшимъ братьямъ, послѣ нѣкотораго раздумья, рѣшилъ убить себя. Амиранъ убиваетъ себя, напѣвая:

„Девять птицъ Мхаргрдзелей

„Алгетскую рощу затоптали,

„Амиранъ же, оставшись

„Безъ братьевъ, безъ дядей, убилъ себя!“

Прибѣжала Камара и стала оплакивать мужа. Въ это время выбѣжалъ мышонокъ изъ норы и сталъ облизывать кровь Амирана. Камаръ разсердилась, взяла свой башмачекъ, ударила по головѣ и убила мышонка. Старая мышь, мать мышонка, выползла изъ норы и сказала Камарѣ:

— „Что ты это сдѣлала? Изъ-за тебя погибли твой отецъ, мужъ, девери и столько войска, а ты еще убиваешь и мое дитя! Или ты думаешь, что я не люблю свою дочь?

Горе тебѣ! Что же касается до меня, то я вылечу своего дѣтёныша.“

Сказавъ это, мышъ сорвала какую-то траву, обмазала ею рану мышонка, и послѣдній ожилъ и спрятался вмѣстѣ съ матерью въ норѣ. Камара обрадовалась. Тою же травой воскресила мужа и его братьевъ. Затѣмъ всѣ отправились домой.

Прошло много времени. Амиранъ всюду побивалъ дѣвовъ, драконовъ, уничтожая ихъ старинные зародыши. Постоянныя побѣды убѣдили Амирана, что равнаго ему въ силѣ ужъ нѣтъ никого.

Однажды Амиранъ шелъ по дорогѣ и встрѣтилъ печальное шествіе: на арбѣ везли умершаго, его закятаго врага Амбрія. Хотя въ арбѣ запряжено было 12 паръ быковъ и буйволовъ, но и эта сила едва двигала останки героя; трупъ не умѣщался на арбѣ и одна нога Амбрія волочилась по землѣ. Мать умершаго шла возлѣ арбы. Она, запримѣтивъ Амирана и узнавъ его, сказала:

— „Амиранъ Дареджанидзе, будь добръ, подними ногу Амбрія и положи на арбу!“

Амиранъ сталъ подымать, но не поднялъ: нога была тяжела,—у Амирана силъ не хватило. Видя это, мать Амбрія поетъ:

„Несчастлива та страна,

„Гдѣ ты амиранствовалъ:

„На голову каску надѣвалъ,

„На тѣло латы надѣвалъ.

„Богъ свидѣтель, ты не равнялся

„Съ Амбріемъ ни въ ѣдѣ, ни въ питѣ,

„Ни въ борьбѣ. Какъ же ты могъ

„Сравниться съ живымъ, когда онъ—

„Мертвецъ побѣдилъ тебя!?”

„Какъ же осмѣливался враждовать съ нимъ,

„Когда и ногу его не сумѣлъ поднять!?”“

Амиранъ страшно опечалился. Удрученный горемъ, заперся въ одну темнымъ-темную комнату и предался горю. Тогда Богъ прибавилъ ему силы и далъ силу трехъ разбушевавшихся водъ и трехъ горныхъ снѣжныхъ обваловъ. Амиранъ обрадовался и вышелъ дѣйствовать. Теперь уже никто съ нимъ не могъ сравниться. Амиранъ возгордился и, такъ какъ равнаго ему по силѣ никого не было, то онъ пожелалъ испытать свою силу въ борьбѣ со своимъ крѣстнымъ отцомъ, т. е. съ Иисусомъ Христомъ.

Однажды Амиранъ встрѣтилъ Христа и сказалъ ему:

— „Ты мнѣ далъ столько силы, что никто со мной не можетъ состязаться. Будь, что будетъ,—ужь Ты Самъ выходи со мной бороться!“

— „Амиранъ,“ отвѣтилъ Христосъ, „ты человѣкъ-философъ: какъ же ты не знаешь того, что съ крѣстнымъ тебѣ не подобаетъ бороться?!“

Но Амиранъ все же приставалъ. Христосъ, вонзивъ палку въ землю, сказалъ Амирану:

— „Если ее достанешь изъ земли, то побѣда на твоей сторонѣ“.

Амиранъ потянулъ палку и вытащилъ легко. Христосъ вторично вонзилъ палку. Амиранъ, опять доставъ ее, сказалъ:

— „Что жъ Ты шутишь со мною? Или борись, или отстань!“

Христосъ въ третій разъ вонзилъ палку и повелѣлъ ей пустить корни, обнимающіе вселенную, пустить стволъ, достигающій до небесъ, затѣмъ сказалъ Амирану:

— „Ну-ка, вытаскивай!“

Амиранъ сталъ вытаскивать и не только не вытащилъ, но даже и шевельнуть ее не сумѣлъ.

Тогда Христосъ проклялъ Амирана и привязалъ къ тому дереву. Надъ привязаннымъ Амираномъ Господь сдви-

нуль снѣжно-ледовитыя вершины Мкинвари (гора Казбекъ) и Гергеты, чтобы навсегда лишить его возможности видѣть небо и землю, свѣтъ и радость. Съ тѣхъ поръ Амиранъ томится тамъ. Богъ опредѣлилъ ему на пропитаніе порцію хлѣба и чашку вина въ день. Это ему доставляетъ воронъ. У Амирана имѣется одинъ пѣсь, рожденный отъ ворона. Заржавленную цѣпь, которой привязанъ Амиранъ, этотъ пѣсь неустанно лижетъ, отчего она тонѣетъ и слабѣетъ. Амиранъ исполняется надеждою, что вотъ-вотъ цѣпь разорвется, и онъ получитъ свободу. Но этой надеждѣ Амирана не суждено осуществиться, ибо въ утро страсного четверга всѣ грузинскіе кузнецы ударяють молотами по три раза о наковальню, и цѣпь, готовая разорваться, отъ этихъ ударовъ опять крѣпнеть и получаетъ прежнюю прочность. Амиранъ опять повергается въ уныніе: опять та же печальная участь томленія, лишенія свободы, свѣта и радости!

Въ недалекомъ отъ Амирана разстояніи валяется его мечъ, тоже покрытый ржавчиною и заплѣснѣвшій. И мечъ оплакиваетъ себя подобно хозяину своему.

Гора Гергеты въ годъ одинъ разъ открываетъ Амирану двери свѣта, но Амиранъ и не радъ этому, такъ какъ лучъ свѣта еще болѣе возобновляетъ боли его застывшей тоски и печали.

На горѣ Гергеты есть одинъ окаменѣлый драконъ. Онъ пришелъ туда пожрать скованнаго Амирана, но Богъ проклялъ и его, отчего онъ и окаменѣлъ. Съ тѣхъ поръ лежитъ тамъ этотъ драконъ, не поврежденный и отъ огня, и отъ солнца, ничуть не сдвинутый съ мѣста ни силою бури, ни силою ледяного обвала, оставленный и небомъ, и землей, такъ какъ ни ледъ, ни снѣгъ его никогда не покрываютъ, облака не окутываютъ, дожди не орошаютъ и даже зефиръ не охлаждаетъ его чела. Горные туры и козы даже во время злыхъ мятелей и вихрей не заглядываютъ въ его скалистые

гроты. Все бѣжить отъ него, сторонится... Вокругъ него носится только гласъ проклятья, тутъ смерть и запустѣніе...

Послѣдній судный день Христа есть крайній предѣлъ томленія Амирана. Съ пришествіемъ Христа и Амиранъ получить свободу. Вотъ таинственный голосъ, который доносится изъ плачущей скалы:

„Не радуйтесь, демоны!

„Еще разъ увидите Амирана,

„Одѣтаго въ броню, съ мечомъ въ рукѣ,

„Преслѣдующаго и бьющаго васъ

„Своею могучею рукою!“

М. Джанашвили.
